
«При написании трактата... моей целью было создание всеобъемлющей теории экономического поведения, которая включала бы не только экономическую теорию рыночной экономики (системы свободного предпринимательства), но и экономическую теорию любой другой мыслимой системы общественного сотрудничества, т.е. социализма, интервенционизма, корпоративизма и т.д. Кроме того, я счел необходимым рассмотреть все те возражения, которые с различных точек зрения — например, этики, психологии, истории, антропологии, этнографии, биологии — выдвигаются против обоснованности экономических рассуждений и правомерности методов, применявшихся до сих пор экономистами всех школ и направлений. Только такое исчерпывающее рассмотрение всех критических возражений может удовлетворить взыскательного читателя и убедить его в том, что экономическая теория — это наука, как сообщающая знания, так и способная направлять поведение.

Соответственно, книга начинается с общей теории человеческой деятельности, в которой поведение, обычно называемое „экономическим“, является лишь частным случаем. В ней анализируются фундаментальные эпистемологические проблемы общественных наук и определяется роль, отводимая в их рамках экономической теории. На основе этих более общих исследований она затем переходит к тщательному анализу всех проблем экономической теории. <...>

...<В книге> исчерпывающе рассматриваются такие проблемы, как цены, монополия, деньги и кредит, деловой цикл и безработица, и тщательно обсуждаются все предложения по экономической и социальной реформе. <...>

Трактат носит чисто научный характер и, конечно, не является популярной книгой. Однако, поскольку в нем не используются никакие технические термины, кроме тех, которые точно определены и объяснены, он может быть понятен любому образованному человеку».

*Людвиг фон Мизес,
декабрь 1944 г.*

Ludwig von Mises

HUMAN ACTION

A TREATISE ON ECONOMICS

Third Revised Edition

Contemporary Books, Inc.
Chicago

Людвиг фон Мизес

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ТРАКТАТ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

*3-е издание,
с изменениями и дополнениями*

Москва ◦ Челябинск

УДК 330
ББК 65
М57

Первое издание 2001
Второе издание 2005
Стереотипные
переиздания 2012, 2018, 2019
Третье издание 2023

Перевод с английского: А. В. Куряев

Мизес, Людвиг фон (1881—1973).

М57 Человеческая деятельность : трактат по экономической теории / Л. фон Мизес ; пер. с англ. и комм. А. В. Куряева. — 3-е изд., с изм. и доп. — Москва ; Челябинск : Социум, 2023. — xx+1004 с.

ISBN 978-5-91603-174-4

Людвиг фон Мизес (1881—1973) — один из величайших мыслителей XX века, австрийский экономист и обществовед. С 1940 г. жил и работал в США.

Книга представляет собой систематическое изложение экономической науки от самых основ до экономической политики, включая эпистемологию и методологию. С необходимой полнотой представлены теории ценности, экономического расчета, денежных цен и кредита, теории капитала и процента, а также разработанная автором теория экономических циклов. Всесторонне рассматриваются как рыночная экономика, так и социалистическая, а также последствия государственного вмешательства в экономику.

Этим трактатом автор завершил начавшуюся в 1870-х гг. трансформацию классической политэкономии как науки об экономических аспектах человеческой деятельности и теории рыночных цен в общую теорию человеческого выбора — науку о любом виде человеческой деятельности.

Для экономистов, историков, социологов и политологов, а также для всех, кто интересуется законами образования цен и ставок заработной платы, причинами экономических кризисов, факторами экономического роста и следит за колебаниями курсов валют.

УДК 330
ББК 65

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства.....	xviii
Предисловие.....	xx
Введение	1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

I. Действующий человек	11
II. Эпистемологические проблемы наук о человеческой деятельности	30
III. Экономическая наука и бунт против разума	69
IV. Первичный анализ категории деятельности.....	87
V. Время.....	93
VI. Неопределенность	99
VII. Деятельность в мире.....	112

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ

VIII. Человеческое общество	135
IX. Роль идей.....	168
X. Обмен в обществе	185

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ

XI. Определение ценности без вычисления.....	191
XII. Сфера экономического расчета.....	202
XIII. Денежный расчет как инструмент деятельности	218

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАТАЛЛАКТИКА, ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЫНОЧНОГО ОБЩЕСТВА

XIV. Предмет и метод каталлактики.....	221
XV. Рынок	246
XVI. Цены.....	312
XVII. Косвенный обмен.....	378
XVIII. Деятельность в потоке времени	453
XIX. Процент.....	495

XX. Процент, кредитная экспансия и экономический цикл	508
XXI. Работа и заработная плата	555
XXII. Первичные факторы производства, не связанные с людьми	603
XXIII. Данные рынка	614
XXIV. Гармония и конфликт интересов	631

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЗ РЫНКА

XXV. Идеальная конструкция социалистического общества	655
XXVI. Невозможность экономического расчета при социализме	664

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ДЕФОРМИРОВАННАЯ РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

XXVII. Государство и рынок	681
XXVIII. Вмешательство посредством налогообложения	701
XXIX. Ограничение производства	707
XXX. Вмешательство в структуру цен	722
XXXI. Денежное обращение и манипулирование кредитом	744
XXXII. Конфискация и перераспределение	766
XXXIII. Синдикализм и корпоративизм	774
XXXIV. Экономическая теория войны	783
XXXV. Принцип благосостояния против принципа рынка	794
XXXVI. Кризис интервенционизма	815

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ

XXXVII. Неописательный характер экономической науки	822
XXXVIII. Место экономической науки в образовании	827
XXXIX. Экономическая наука и важнейшие проблемы человеческого существования	840
Сравнение изданий «Human Action»	845
Указатель русских переводов цитируемой литературы	864
Библиография	870
Иноязычные слова и выражения	877
Комментарии	879
Глоссарий имен	909
Указатель имен	918
Предметный указатель	921
<i>А. В. Куряев. Людвиг фон Мизес: от теории денег к главному трактату человеческой цивилизации</i>	937

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	xviii
Предисловие	xx
Введение	1
1. Экономическая теория и праксеология	1
2. Эпистемологические проблемы общей теории человеческой деятельности	4
3. Экономическая теория и практика человеческой деятельности	7
4. Резюме	10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

I. Действующий человек	11
1. Целенаправленное действие и животная реакция	11
2. Предпосылки человеческого действия	13
(1) <i>О счастье</i>	14
(2) <i>Об инстинктах и импульсах</i>	15
3. Человеческое действие как конечная данность	17
4. Рациональность и иррациональность, субъективизм и объективность праксеологических исследований	19
5. Причинность как условие деятельности	22
6. Другое Я	23
(3) <i>О полезности инстинктов</i>	26
(4) <i>Абсолютная цель</i>	28
(5) <i>Вегетативный человек</i>	28
II. Эпистемологические проблемы наук о человеческой деятельности	30
1. Практиология и история	30
2. Формальный и априорный характер праксеологии	32
(6) <i>Приписывание логической гетерогенности первобытному человеку</i>	36

3. Априори и реальность	37
4. Принцип методологического индивидуализма	41
(7) <i>Я и Мы</i>	43
5. Принцип методологической единичности	44
6. Индивидуальные и меняющиеся характеристики человеческой деятельности	45
7. Предмет и особый метод истории	46
8. Постижение и понимание	50
(8) <i>История природы и человеческая история</i>	56
9. Об идеальных типах	57
10. Процедура экономической науки	61
11. Ограниченность праксеологических понятий	66
III. Экономическая наука и бунт против разума	69
1. Бунт против разума	69
2. Логический аспект полилогизма	72
3. Праксеологический аспект полилогизма	73
4. Расистский полилогизм	80
5. Полилогизм и понимание	83
6. В защиту разума	85
IV. Первичный анализ категории деятельности	87
1. Средства и цели	87
2. Шкала ценности	89
3. Шкала потребностей	91
4. Деятельность как обмен	92
V. Время	93
1. Время как праксеологический фактор	93
2. Прошлое, настоящее и будущее	94
3. Экономия времени	95
4. Соотношение действий во времени	96
VI. Неопределенность	99
1. Неопределенность и деятельность	99
2. Смысл вероятности	100
3. Вероятность класса	101
4. Вероятность события	103
5. Численная оценка и вероятность события	107
6. Пари, азартные ставки и игры	108
7. Праксеологическое предсказание	110

VII. Деятельность в мире	112
1. Закон предельной полезности	112
2. Закон отдачи	120
3. Человеческий труд как средство	123
(9) Труд, приносящий непосредственное удовлетворение, и труд, приносящий опосредованное удовлетворение	129
(10) Творческий гений	131
4. Производство	132

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ

VIII. Человеческое общество	135
1. Человеческое сотрудничество	135
2. Критика холистического и метафизического взгляда на общество	137
(11) Праксеология и либерализм	145
(12) Либерализм и религия	147
3. Разделение труда	149
4. Рикардианский закон объединения	150
(13) Современные ошибки, касающиеся закона объединения	152
5. Последствия разделения труда	155
6. Индивид в обществе	156
(14) Миф о мистической общности	157
7. Великое общество	160
8. Инстинкт агрессии и разрушения	161
(15) Неверное толкование современных естественных наук, особенно дарвинизма	165
IX. Роль идей	168
1. Человеческий разум	168
2. Мировоззрение и идеология	169
(16) Борьба с ошибками	175
3. Могущество	179
(17) Традиционализм как идеология	182
4. Мелиоризм и идея прогресса	183
X. Обмен в обществе	185
1. Аутичный обмен и межличностный обмен	185
2. Договорные связи и гегемонические связи	186
3. Вычислительная деятельность	189

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ

XI. Определение ценности без вычисления	191
1. Ранжирование средств	191

2. Фикция бартера в элементарной теории ценности и цены.....	192
(18) Теория ценности и социализм.....	196
3. Проблема экономического расчета.....	197
4. Экономический расчет и рынок.....	200
XII. Сфера экономического расчета.....	202
1. Характер денежного учета.....	202
2. Границы экономического расчета.....	204
3. Изменчивость цен.....	207
4. Стабилизация.....	209
5. Корни идеи стабилизации.....	213
XIII. Денежный расчет как инструмент деятельности.....	218
1. Денежный расчет как метод мышления.....	218
2. Экономический расчет и наука о человеческой деятельности.....	220
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАТАЛЛАКТИКА, ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЫНОЧНОГО ОБЩЕСТВА	
XIV. Предмет и метод каталлактики.....	221
1. Определение границ проблем каталлактики.....	221
(19) Отрицание экономической науки.....	224
2. Метод идеальных конструкций.....	225
3. Чистая рыночная экономика.....	226
(20) Максимизация прибыли.....	228
4. Аутичное хозяйство.....	232
5. Состояние покоя и равномерно функционирующая экономика.....	233
6. Стационарная экономика.....	239
7. Интеграция каталлактических функций.....	240
(21) Предпринимательская функция в стационарной экономике.....	244
XV. Рынок.....	246
1. Свойства рыночной экономики.....	246
2. Капитальные блага и капитал.....	248
3. Капитализм.....	253
4. Суверенитет потребителей.....	258
(22) Метафорическое использование терминологии политического господства.....	260
5. Конкуренция.....	262
6. Свобода.....	267
7. Неравенство богатства и дохода.....	275
8. Предпринимательские прибыли и убытки.....	276

9. Предпринимательские прибыли и убытки в развивающейся экономике	281
(23) <i>Моральное осуждение прибыли</i>	287
(24) <i>Несколько замечаний по поводу жупела недопотребления и дискуссии о покупательной способности</i>	288
10. Промоутеры, управляющие, специалисты и бюрократы	290
11. Процесс отбора	297
12. Индивид и рынок	300
13. Коммерческая пропаганда	305
14. «Volkswirtschaft»	308
XVI. Цены	312
1. Процесс образования цены	312
2. Определение ценности и определение стоимости	316
3. Цены на блага высоких порядков	317
(25) <i>Ограничения процесса образования цен на факторы производства</i>	322
4. Учет издержек производства	323
5. Логическая и математическая каталлактика	333
6. Монопольные цены	340
(26) <i>Математическая трактовка теории монопольных цен</i>	358
7. Репутация	360
8. Монополия спроса	364
9. Влияние монопольных цен на потребление	365
10. Ценовая дискриминация со стороны продавца	368
11. Ценовая дискриминация со стороны покупателя	371
12. Связанность цен	371
13. Цены и доход	372
14. Цены и производство	374
15. Химера нерыночных цен	375
XVII. Косвенный обмен	378
1. Средство обмена и деньги	378
2. Замечания по поводу самых распространенных ошибок	378
3. Спрос на деньги и предложение денег	381
(27) <i>Эпистемологическое значение теории происхождения денег Карла Менгера</i>	385
4. Определение покупательной способности денег	387
5. Проблема Юма и Милля и движущая сила денег	395

6. Изменения в покупательной способности под действием денежных факторов и условий на товарных рынках	398
(28) Инфляция и дефляция; инфляционизм и дефляционизм	400
7. Денежный расчет и изменения покупательной способности	402
8. Предвосхищение предполагаемых изменений покупательной способности	404
9. Специфическая ценность денег	406
10. Смысл денежного соотношения	408
11. Заместители денег	410
12. Ограничение на выпуск фидуциарных средств обращения	412
(29) Замечания по поводу дискуссий о свободной банковской деятельности	420
13. Размеры и состав остатков наличности	424
14. Платежные балансы	427
15. Межрегиональные курсы валют	428
16. Процентные ставки и денежное соотношение	433
17. Вторичные средства обмена	437
18. Инфляционистский взгляд на историю	440
19. Золотой стандарт	445
(30) Международное сотрудничество в сфере валютных отношений	449
XVIII. Деятельность в потоке времени	453
1. Перспектива в оценке временных периодов	453
2. Временное предпочтение как существенное свойство деятельности	457
(31) Замечания о разработке теории временного предпочтения	462
3. Капитальные блага	464
4. Период производства, время ожидания и период предусмотрительности	467
(32) Продление периода предусмотрительности за пределы ожидаемой продолжительности жизни действующего субъекта	472
(33) Некоторые приложения теории временного предпочтения	472
5. Адаптируемость капитальных благ	476
6. Влияние прошлого на деятельность	479
7. Накопление, сохранение и проедание капитала	486
8. Подвижность инвестора	489
9. Деньги и капитал; сбережения и инвестиции	492
XIX. Процент	495
1. Феномен процента	495
2. Первоначальный процент	497
3. Величина процентных ставок	503

4. Первоначальный процент в изменяющейся экономике	504
5. Вычисление процента	506
XX. Процент, кредитная экспансия и экономический цикл.....	508
1. Проблемы	508
2. Предпринимательская компонента в валовой рыночной ставке процента	509
3. Ценовая премия как компонента валовой рыночной ставки процента.....	511
4. Ссудный рынок.....	515
5. Влияние изменений денежного соотношения на первоначальный процент	517
6. Влияние инфляции и кредитной экспансии на валовую рыночную ставку процента	520
(34) <i>Мнимое отсутствие депрессии в условиях тоталитарного управления</i>	533
7. Влияние дефляции и сжатия кредита на валовую рыночную ставку процента	534
(35) <i>Разница между кредитной экспансией и простой инфляцией</i>	538
8. Денежная, или основанная на фидуциарном кредите, теория экономического цикла	539
9. Влияние повторяемости экономического цикла на рыночную экономику	543
(36) <i>Роль неиспользуемых факторов производства на первом этапе бума</i>	546
(37) <i>Ошибки неденежных объяснений экономического цикла</i>	548
XXI. Работа и заработная плата.....	555
1. Интровертный и экстравертный труд	555
2. Радость и тягость труда.....	556
3. Заработная плата	560
4. Каталлактическая безработица.....	566
5. Валовые и чистые ставки заработной платы.....	568
6. Заработная плата и средства к существованию	570
(38) <i>Сравнение исторического объяснения уровня заработной платы и теоремы регрессии</i>	577
7. Влияние отрицательной полезности труда на предложение труда.....	578
(39) <i>Замечания по поводу популярной интерпретации «Промышленной революции»</i>	584
8. Влияние превратностей рынка на ставки заработной платы	591
9. Рынок труда.....	592
(40) <i>Работа животных и рабов</i>	595

XXII. Первичные факторы производства, не связанные с людьми	603
1. Общие замечания, касающиеся теории ренты	603
2. Роль временного фактора в использовании земли	605
3. Субпредельная земля	608
4. Земля как пространственный фактор	609
5. Цена на землю.....	610
(41) Миф о почве	612
XXIII. Данные рынка	614
1. Теория и данные	614
2. Роль власти.....	615
3. Историческая роль войны и завоеваний.....	617
4. Реальный человек как данное.....	619
5. Период адаптации	620
6. Границы прав собственности и проблемы внешних издержек и внешней экономии	622
(42) Внешняя экономия интеллектуального творчества	628
(43) Привилегии и квазипривилегии.....	630
XXIV. Гармония и конфликт интересов	631
1. Конечный источник прибыли и убытка на рынке	631
2. Ограничение потомства.....	634
3. Гармония «правильно понимаемых» интересов	639
4. Частная собственность	648
5. Конфликты нашей эпохи.....	650
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЗ РЫНКА	
XXV. Идеальная конструкция социалистического общества	655
1. Историческое происхождение социалистической идеи	655
2. Социалистическая доктрина	660
3. Праксеологический характер социализма.....	662
XXVI. Невозможность экономического расчета при социализме	664
1. Проблема	664
2. Прошлые неудачные попытки постичь проблему	667
3. Недавние предложения вариантов социалистического экономического расчета.....	668
4. Метод проб и ошибок.....	669
5. Квазирынок.....	671
6. Дифференциальные уравнения математической экономической теории.....	675

**ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ДЕФОРМИРОВАННАЯ
РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА**

XXVII. Государство и рынок	681
1. Идея третьей системы.....	681
2. Вмешательство.....	682
3. Определение границ функций государства.....	685
4. Праведность как конечный критерий деятельности индивида.....	689
5. Смысл <i>laissez faire</i>	694
6. Прямое вмешательство государства в потребление.....	696
(44) <i>Коррупция</i>	698
XXVIII. Вмешательство посредством налогообложения	701
1. Нейтральный налог.....	701
2. Тотальный налог.....	703
3. Фискальные и нефискальные цели налогообложения.....	704
4. Три вида налогового интервенционизма.....	705
XXIX. Ограничение производства	707
1. Природа ограничения.....	707
2. Цена ограничения.....	709
3. Ограничительные меры как привилегия.....	712
4. Ограничительные меры как экономическая система.....	719
XXX. Вмешательство в структуру цен	722
1. Государство и автономия рынка.....	722
2. Реакция рынка на вмешательство государства.....	726
(45) <i>Замечания по поводу причин упадка античной цивилизации</i>	731
3. Минимальные ставки заработной платы.....	733
(46) <i>Каталлактические аспекты профсоюзного движения</i>	741
XXXI. Денежное обращение и манипулирование кредитом	744
1. Государство и денежное обращение.....	744
2. Интервенционистские аспекты законодательства об узаконенном средстве платежа.....	747
3. Эволюция современных методов манипулирования денежным обращением.....	749
4. Цели девальвации валюты.....	752
5. Кредитная экспансия.....	756
(47) <i>Химера антициклической политики</i>	761
6. Валютное регулирование и двусторонние валютные соглашения.....	763
XXXII. Конфискация и перераспределение	766
1. Философия конфискации.....	766

2. Земельная реформа	767
3. Конфискационное налогообложение	768
(48) Конфискационное налогообложение и риск	771
XXXIII. Синдикализм и корпоративизм	774
1. Синдикалистская идея	774
2. Ошибки синдикализма	775
3. Синдикалистские элементы популярной политики	777
4. Гильдейский социализм и корпоративизм	778
XXXIV. Экономическая теория войны	783
1. Тотальная война	783
2. Война и рыночная экономика	787
3. Война и автаркия	790
4. Тщетность войны	792
XXXV. Принцип благосостояния против принципа рынка	794
1. Аргументы против рыночной экономики	794
2. Бедность	796
3. Неравенство	801
4. Незащищенность	811
5. Социальная справедливость	813
XXXVI. Кризис интервенционизма	815
1. Плоды интервенционизма	815
2. Истощение резервного фонда	815
3. Конец интервенционизма	818
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ	
XXXVII. Неописательный характер экономической науки	822
1. Исключительность экономической науки	822
2. Экономическая наука и общественное мнение	823
3. Иллюзии старых либералов	824
XXXVIII. Место экономической науки в образовании	827
1. Изучение экономической науки	827
2. Экономическая наука как профессия	829
3. Прогнозирование как профессия	830
4. Экономическая наука и университеты	832
5. Всеобщее образование и экономическая наука	835
6. Экономическая наука и гражданин	837
7. Экономическая наука и свобода	838

XXXIX. Экономическая наука и важнейшие проблемы	
человеческого существования	840
1. Наука и жизнь	840
2. Экономическая наука и ценностные суждения	842
3. Экономическое познание и человеческая деятельность	844
Сравнение изданий «Human Action»	845
Указатель русских переводов цитируемой литературы	864
Библиография	870
Иноязычные слова и выражения	877
Комментарии	879
Глоссарий имен	909
Указатель имен	918
Предметный указатель	921
А. В. Куряев. Людвиг фон Мизес: от теории денег к главному	
трактату человеческой цивилизации	937

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Первое издание русского перевода «Человеческой деятельности» Л. фон Мизеса вышло в сентябре 2001 г. в издательстве «Экономика». В 2005 г. в издательстве «Социум» вышло второе издание с незначительными исправлениями, допечатывавшееся затем без изменений в 2012, 2018 и 2019 г.

С 2015 г. (с перерывами) в издательстве «Социум» ведется подготовка к изданию Собрания сочинений Л. фон Мизеса, в которое планируется включить переводы всех его опубликованных произведений.

В рамках этого проекта заново сверен с оригиналом и заметно отредактирован перевод «Человеческой деятельности», в котором исправлены обнаруженные ошибки перевода и восстановлены пропущенные слова и в некоторых случаях предложения. В Собрании сочинений трактат выйдет в двух томах, а до этого времени будет печататься в одном томе.

Для нового издания произведено сравнение трех англоязычных вариантов «Человеческой деятельности», подготовленных автором для изданий 1949, 1963 и 1966 г., и отмечены изменения, оказывающие влияние на перевод.

Номера комментариев, относящихся к сравнению изданий, заключены в фигурные скобки.

Кроме этого, в настоящем издании есть еще два вида комментариев: (а) сообщающих о наличии русского перевода цитируемых автором произведений или уточняющих название цитируемой статьи, если автор ссылается на сборник статей (номера таких комментариев заключены в круглые скобки), и (б) комментарии к историческим событиям, научным школам, терминам и т.п. (их номера заключены в квадратные скобки).

Для удобства цитирования предложена система нумерации абзацев, описанная ниже.

* * *

Книга Л. фон Мизеса «Human Action: A Treatise on Economics» (3rd ed., 1966) состоит из введения, 39 глав, сгруппированных в семь частей, и 48 экскурсов. Введение, главы и экскурсии разбиты на параграфы и имеют постраничные сноски¹.

Задача состояла в том, чтобы сконструировать коды (или адреса) абзацев и других элементов текста (параграфов, сносок и заголовков), чтобы на них можно было ссылаться без указания на страницы печатных изданий.

Поскольку нумерация глав в книге сплошная, номера частей можно не использовать.

Для ссылок на абзацы экскурсов потребовалось экскурсии пронумеровать. Это было трудное решение, так как в оригинале экскурсии не пронумерованы. Более того, в оглавлении напротив их названий даже не проставлены номера страниц.

Однако в немецкоязычном предшественнике этого трактата в тех случаях, когда подряд идут несколько экскурсов, они имеют различительные индексы в виде заглавных букв латинского алфавита. (И кстати, в оглавлении эти разделы прямо называются «экскурсами» — Exkurs(e).) В качестве эксперимента мы решили ввести сплошную нумерацию экскурсов арабскими цифрами.

¹ Для любителей статистики: параграфов — 235, сносок — 416.

Частям некоторых особо длинных абзацев (занимающих более 2/3 страницы) присвоены номера со строчными буквами латинского алфавита (a, b, c).

Коды (или адреса) различных элементов текста имеют вид:

ссылка на параграф:	I.5	— <номер главы.номер параграфа>;
ссылка на экскурс:	I.E3	— <номер главы.номер экскурса>;
	E3	— <номер экскурса>;
ссылка на абзац введения:	Intro.3.1	— <введение.номер параграфа. номер абзаца>;
ссылка на абзац параграфа:	I.5.6	— <номер главы.номер параграфа. номер абзаца>;
ссылка на абзац экскурса:	I.E3.6	— <номер главы.номер экскурса. номер абзаца>;
	E3.6	— <номер экскурса.номер абзаца>;
ссылка на части абзацев:	XVI.5.8a	— параграфа;
	XX.E37.16b	— экскурса;
ссылка на сноску:	I.n4	— <номер главы.номер сноски>;
ссылка на название:	XIX.t	— название главы;
	V.1.t	— название параграфа;
	I.E3.t	— название экскурса.

На экскурсии можно ссылаться непосредственно по номеру, а можно с указанием главы, в котором экскурс находится.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне доставляет огромное удовольствие видеть эту книгу, прекрасно напечатанную^[1] уважаемым издательством, в ее третьем пересмотренном издании.^[1]

Здесь уместно сделать два терминологических замечания. Во-первых, я использую термин «либеральный» в том смысле, который в XIX в. он имел везде и до сих пор имеет в странах континентальной Европы^[2]. Такое употребление настоятельно необходимо, потому что просто не существует другого термина для обозначения великого политического и интеллектуального движения, заменившего докапиталистические методы производства свободным предпринимательством и рыночной экономикой; абсолютизм королей или олигархий конституционным представительным правлением; а рабство, крепостное право и другие формы неволи свободой всех людей.

Во-вторых, в последние десятилетия значение термина «психология» все больше и больше ограничивается областью экспериментальной психологии, дисциплины, применяющей методы исследования естественных наук. С другой стороны, вошло в привычку отвергать те исследования, которые раньше назывались психологическими, как «литературную психологию» и ненаучный способ рассуждения. Всякий раз, когда в экономических исследованиях упоминается «психология», имеется в виду именно эта литературная психология, и поэтому представляется целесообразным ввести для нее специальный термин. В книге «Theory and History» (New Haven, 1957. P. 264–274)⁽²⁾ я предложил термин «тимология» и использовал его также в недавно опубликованном очерке «The Ultimate Foundation of Economic Science» (Princeton, 1962). Однако мое предложение не подразумевало обратной силы и корректировки использования термина «психология» в ранее опубликованных книгах, поэтому в новом издании я продолжаю использовать термин «психология» так же, как я использовал его в первом издании.

Вышло два перевода первого издания «Человеческой деятельности»: итальянский перевод г-на Туллио Баджотти, профессора Университета Боккони в Милане, под названием «L'Azione Umana, Trattato di economia», опубликованный издательством Unione Tipografico-Editrice Torinese в 1959 г.; и перевод на испанский язык г-на Хоакина Рейга Альбиоля под названием «La Acción Humana (Tratado de Economía)», опубликованный в двух томах Фондом Игнасио Виллалонга в Валенсии (Испания) в 1960 году.

Я чувствую себя в долгу перед многими хорошими друзьями за помощь и советы при подготовке этой книги.

Прежде всего, хочу вспомнить двух покойных ученых, Поля Манту и Виллема Раппара, которые, предоставив мне возможность преподавать в знаменитом Институте международных исследований в Женеве (Швейцария), дали мне время и стимул начать реализацию давно задуманного плана.

Также хочу выразить благодарность за очень ценные и полезные предложения г-ну Артуру Годдарду, г-ну Перси Гривсу, доктору Генри Хэзлиту, профессору Израэлю Кирцнеру, г-ну Леонарду Риду, г-ну Хоакину Рейгу Альбиолю и доктору Джорджу Рисмену.

Но больше всего я хочу поблагодарить мою жену за ее постоянную поддержку и помощь.

Людвиг фон Мизес^[2]

Нью-Йорк, март 1966 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Экономическая теория и праксеология

¹ Экономическая теория является самой молодой наукой. Конечно, за последние 200 лет на основе дисциплин, знакомых еще древним грекам, возникло много новых наук. Однако в данных случаях часть знания, которая до этого уже утвердилась в сложившейся старой системе знаний, просто стала автономной. Область исследований была более точно подразделена и исследована с помощью новых методов; в ней до сих пор открываются незамеченные области, и люди в отличие от своих предшественников начинают видеть вещи в новом свете. Сама область не расширилась. Но экономическая теория открыла для человеческой науки предмет, прежде недоступный и неосмысленный. Открытие регулярности в последовательности и взаимозависимости рыночных явлений вышло за рамки традиционной системы учений. Появилось знание, которое нельзя было считать ни логикой, ни математикой, ни психологией, ни физикой, ни биологией.

² Долгое время философы стремились выяснить цели, которые Бог или Природа пытались достичь по ходу человеческой истории. Они искали закон судьбы и эволюции человечества. Но попытки даже тех мыслителей, чьи изыскания были свободны от любых теологических^[3] тенденций, потерпели полное фиаско, так как их подвел ошибочный метод. Они занимались человечеством в целом или оперировали другими холистическими понятиями — нации, расы или церкви. Такие мыслители устанавливали совершенно произвольные цели, которым должно было соответствовать поведение подобных целостностей. Но они не могли дать удовлетворительного ответа на вопрос, какие силы заставляют множество действующих индивидов вести себя таким образом, что реализуются цели, намеченные неумолимым развитием этих целостностей. Они прибегали к отчаянным средствам: чудесным вмешательствам божества

или откровениям богопосланных пророков и посвященных, предустановленной гармонии, предназначению или действию мистических и сказочных «мировой души» или «национальной души». Другие говорят о «хитрости природы»^[4], заложившей в человеке порывы, ведущие его точно по пути, заданному Природой.

Часть философов были более реалистичны. Они не пытались разгадать замыслы Природы или Бога. Они смотрели на человеческие дела с точки зрения государства, устанавливающего правила политических действий, так сказать, методики правления и искусства управлять государством. Отвлеченные умы разрабатывали грандиозные планы глубоких реформ и переустройства общества. Более скромные удовлетворялись сбором и систематизацией данных исторического опыта. Но все были абсолютно убеждены, что в событиях общественной жизни отсутствуют такие же регулярность и устойчивость явлений, какие уже были обнаружены в способе человеческих рассуждений и в последовательности природных явлений. Они не искали законов общественного сотрудничества, потому что считали, что человек способен организовать общество как ему захочется. Если социальные условия не соответствовали желаниям реформаторов, если их утопии оказывались нереализуемыми, вина возлагалась на нравственные недостатки человека. Социальные проблемы рассматривались как проблемы этические. Все, что нужно для построения идеального общества, считали они, — хорошие государи и добродетельные граждане. С праведниками можно воплотить в жизнь любую утопию.

Открытие неотвратимой взаимозависимости рыночных явлений изменило это мнение. Сбитые с толку люди были вынуждены приспособливаться к новому взгляду на общество. Они с ошеломлением узнали, что человеческое действие может рассматриваться не только как хорошее или плохое, честное или нечестное, справедливое или несправедливое. Общественной жизни свойственна регулярность явлений, которую человек должен учитывать в своей деятельности, если хочет добиться успеха. Бесполезно относиться к событиям общественной жизни с позиций цензора, который что-то одобряет или не одобряет в соответствии с совершенно произвольными стандартами и субъективными ценностными суждениями. Необходимо изучать законы человеческой деятельности и общественного сотрудничества, как физик изучает законы природы. Революционное превращение человеческой деятельности и общественного сотрудничества в объект науки о данных связях взамен нормативной дисциплины о вещах, какими они должны быть, имело огромные последствия как для познания и философии, так и для общественной деятельности.

Однако на протяжении более чем 100 лет влияние этого радикального изменения способов объяснения оставалось крайне ограниченным, так как люди считали, что они относятся только к узкому сегменту общей области человеческого действия, а именно к рыночным явлениям. В своих исследованиях эко-

3

4

5

номисты классической школы столкнулись с препятствием, которое они не сумели преодолеть, — мнимую антиномию ценности. Их теория ценности была несовершенной и заставила ограничить рамки своей науки. До конца XIX в. политическая экономия оставалась наукой об экономических аспектах человеческой деятельности, теорией богатства и эгоизма. Эта теория исследовала человеческую деятельность только в том случае, если она была вызвана тем, что описывалось — весьма неудовлетворительно — как корысть, и утверждала, что существует и иная человеческая деятельность, изучение которой является задачей других дисциплин. Трансформация учения, начало которому положили экономисты классической школы, была завершена только современной субъективистской экономической теорией, преобразовавшей теорию рыночных цен в общую теорию человеческого выбора.

- 6 Долгое время никто не осознавал, что переход от классической теории ценности к субъективистской теории ценности оказался не просто заменой менее удовлетворительной теории рыночного обмена более удовлетворительной. Общая теория выбора и предпочтений выходит далеко за рамки, ограничивающие пределы экономических проблем, которые были очерчены экономистами от Кантильона, Юма и Адама Смита до Джона Стюарта Милля. Это нечто гораздо большее, чем просто теория экономической стороны человеческих усилий, стремления людей к предметам потребления и материальному благосостоянию. Это наука о любом виде человеческой деятельности. Любое решение человека связано с выбором. Делая выбор, человек выбирает не только между материальными предметами и услугами. Выбор затрагивает все человеческие ценности. Все цели и средства, материальное и идеальное, высокое и низкое, благородное и подлое выстраиваются в один ряд и подчиняются решению, в результате которого одна вещь выбирается, а другая отвергается. Ничего из того, что человек хочет получить или избежать, не остается вне этой единой шкалы ранжирования и предпочтения. Современная теория ценности раздвигает научные горизонты и расширяет поле экономических исследований. Из политической экономии классической школы возникла общая теория человеческой деятельности — *праксеология*¹. Экономические, или каталлактические, проблемы² ^[5] влились в более общую науку и больше не могут рассматриваться вне этой связи. Изучение собственно экономических проблем не может не начинаться с исследования акта выбора; экономическая теория стала частью, хотя на сегодняшний день наиболее разработанной, более универсальной науки — *праксеологии*.

¹ Термин «праксеология» впервые использован в 1890 г. Эспинасом (см.: *Espinas. Les Origines de la Technologie // Revue Philosophique. XVth year. XXX. P. 114–115* и его книгу, опубликованную в Париже в 1897 г. под тем же названием).

² Термин «каталлактика», или наука об обмене, впервые был использован Уотли (см.: *Whately. Introductory Lectures on Political Economy. London, 1831. P. 6*).

2. Эпистемологические^[6] проблемы общей теории человеческой деятельности

В новой науке все казалось сомнительным. Она была незнакомкой в традиционной системе знаний; люди были сбиты с толку и не знали как ее классифицировать и какое место ей определить. Но с другой стороны, они были убеждены, что включение экономической теории в перечень наук не требует реорганизации или расширения всей системы. Люди считали свою классификацию полной. И если экономическая теория в нее не вписывалась, то вина может возлагаться только на неудовлетворительную трактовку экономистами своих задач.

Лишь полное непонимание смысла полемики о сущности, границах и логическом характере экономической теории заставляет отбрасывать ее как схоластические препирательства педантичных профессоров. Существует широко распространенное заблуждение, что, в то время как педанты занимались бесполезными разговорами о наиболее подходящих методах исследования, сама экономическая наука безотносительно к этим пустопорожним спорам спокойно двигалась своим путем. В ходе *Methodenstreit*^[7] между австрийскими экономистами и представителями прусской исторической школы^[8], называвшими себя «интеллектуальной гвардией Дома Гогенцоллернов»^[9], и в дискуссиях школы Джона Бейтса Кларка с американским институционализмом^[10] на карту было поставлено значительно больше, чем вопрос о том, какой подход плодотворнее. На самом деле предметом разногласий были эпистемологические основания науки о человеческой деятельности и ее логическая законность. Многие авторы, отталкиваясь от эпистемологической системы, для которой праксеологическое мышление было чуждо, и исходя из логики, признающей научными помимо формальной логики и математики лишь эмпирические естественные^[11] науки и историю, пытались отрицать ценность и полезность экономической теории. Историзм стремился заменить ее экономической историей; позитивизм^[12] рекомендовал в качестве замены иллюзорную социальную науку, которая должна заимствовать логическую структуру и модель ньютоновской механики. Обе школы сходились в радикальном неприятии всех достижений экономической мысли. Перед лицом этих атак экономисты не могли молчать.

Радикализм этого всецелого отторжения экономической науки был вскоре превзойден еще более универсальным нигилизмом. С незапамятных времен люди, думая, говоря и действуя, принимали единообразие и неизменность логической структуры человеческого разума как бесспорный факт. На этой предпосылке строились все научные исследования. В полемике об эпистемологическом характере экономической науки впервые в человеческой истории отрицалось и это утверждение. Согласно марксизму мышление человека определяется его классовой принадлежностью. Каждый общественный класс имеет свою логику. Продукт мысли не может быть не чем иным, как «идеологической маскировкой» эгоистических классовых интересов автора. Именно разоблачение философских

и научных теорий и демонстрация их «идеологической» бессодержательности является задачей «социологии знания»^[13]. Экономическая наука — это «буржуазный» паллиатив^[14], а экономисты — «сикофанты» капитала^[15]. Только бесклассовое общество социалистической утопии заменит истиной «идеологическую» ложь.

4 Позднее этот полилогизм преподносился в различных вариантах. Например, согласно историзму логическая структура человеческого мышления претерпевает изменения в ходе исторической эволюции. Расистский полилогизм приписывает свою логику каждой расе. Наконец, в соответствии с иррационализмом разум как таковой не объясняет определяющие человеческое поведение иррациональные силы.

5 Эти доктрины выходят далеко за границы экономической науки. Они ставят под сомнение не только экономическую теорию и праксеологию, но и все остальное знание и человеческие рассуждения в целом. Математики и физики это касается в той же мере, что и экономической теории. Поэтому создается впечатление, что задача их опровержения не относится к какой-либо одной ветви знаний, а является функцией эпистемологии и философии. Это служит достаточным основанием для позиции той части экономистов, которые спокойно продолжают свои исследования, не беспокоясь об эпистемологических проблемах и возражениях полилогизма и иррационализма. Физик ведь не обращает внимание, если кто-то клеймит его теорию как буржуазную, западную или еврейскую. Точно так же и экономист должен игнорировать клевету и злословие. Собака лает — караван идет; и не стоит обращать внимание на этот лай. Необходимо помнить изречение Спинозы: «Как свет обнаруживает и себя самого, и окружающую тьму, так истина есть мерило и самой себя, и ложного»^[2].

6 Однако в экономической науке ситуация отличается от математики и естественных наук. Полилогизм и иррационализм атакуют праксеологию и экономическую теорию. И хотя они формулируют свои утверждения в общем виде применительно ко всем отраслям знания, в действительности имеются в виду именно науки о человеческой деятельности. Полилогизм и иррационализм называют иллюзией уверенности в том, что полученные результаты научных исследований могут быть действительными для людей всех эпох, рас и общественных классов, и находят удовольствие в поношении некоторых физических и биологических теорий как буржуазных или западных. Но они забывают о своей критике, если решение практических проблем требует применения этих заклеянных доктрин. В технологиях в Советской России без колебаний используются все достижения буржуазной физики, химии и биологии, как если бы они имели силу для всех классов. Нацистские инженеры не считали ниже своего достоинства использовать теории, открытия и изобретения представителей «низших» рас и национальностей. Поведение людей всех рас, наций, религий, лингвистических групп, общественных классов не подтверждает доктрин полилогизма и иррационализма в отношении логики, математики и естественных наук.

Но праксеология и экономическая наука — совсем другое дело. Главный мотив развития теорий полилогизма, историцизма и иррационализма — оправдание пренебрежения учениями экономистов при определении экономической политики. Попытки социалистов, расистов, националистов и этатистов опровергнуть теории экономистов и продемонстрировать правильность собственных ложных доктрин провалились. Именно этот крах заставил их отрицать логические и эпистемологические принципы, на которых основаны и повседневная деятельность, и научные исследования.

Но недопустимо отвергать эти возражения просто на основе осуждения политических мотивов, инспирировавших их возникновение. Ни один ученый не имеет права заранее предполагать, что осуждение его теорий неосновательно, лишь потому, что критика пропитана страстью и партийными предубеждениями. Он обязан ответить на каждое замечание независимо от скрытых мотивов их происхождения. Недопустимо также хранить молчание, сталкиваясь с часто звучащим мнением, что теоремы экономической науки действительны только при условии выполнения гипотетических допущений, никогда не реализующихся на практике, и потому бесполезны для мысленного понимания реальности. Странно, что некоторые школы похоже одобряют это мнение, но, несмотря на это, безмятежно продолжают рисовать свои кривые и формулировать уравнения. Они не беспокоятся о смысле своих рассуждений и об их отношении к миру реальной жизни и деятельности.

Эта позиция, конечно же, несостоятельна. Первая задача любого научного исследования — исчерпывающее описание и определение всех условий и допущений, при которых разнообразные утверждения претендуют на обоснованность. Ошибочно принимать физику в качестве модели и образца для экономической науки. Но те, кто совершает эту ошибку, должны усвоить хотя бы одну вещь — ни один физик никогда не считал, что прояснение некоторых допущений и условий физических теорем находится за пределами предмета физических исследований. Главный вопрос, на который экономическая наука должна дать ответ: как ее утверждения соотносятся с реальностью человеческой деятельности, мысленное понимание которой является целью экономических исследований?

Поэтому тщательное рассмотрение утверждения о том, что учения экономической науки действительны лишь для капиталистической системы в течение короткого и уже закончившегося либерального периода, переходит в ведение экономической теории. И долг именно экономической науки, а не какой-либо другой области знаний рассмотреть все возражения, выдвигаемые с разных точек зрения против полезности утверждений экономической теории для прояснения проблем человеческой деятельности. Система экономической мысли должна быть построена таким образом, чтобы быть защищенной от любой критики со стороны иррационализма, историзма, панфизикализма, бихевиоризма и любых разновидностей полилогизма. Положение, когда

экономисты делают вид, что игнорируют ежедневно выдвигаемые аргументы, демонстрирующие абсурдность и бесполезность построений экономической науки, нетерпимо.

- 11 Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры. Теорию каталлактики необходимо выстроить на твердом фундаменте общей теории человеческой деятельности — праксеологии. Такой подход не только защитит ее от необоснованной критики, но и прояснит многие проблемы, до сих пор даже адекватно не поставленные, не говоря уже об удовлетворительном решении. К их числу принадлежит фундаментальная проблема экономического расчета.

3. Экономическая теория и практика человеческой деятельности

- 1 Многие привыкли обвинять экономическую науку в отсталости. Что ж, несовершенство нашей экономической теории вполне очевидно. В человеческом знании нет состояния совершенства, как нет его и у других человеческих достижений. Человек лишен всеведения. Самые совершенные теории, на первый взгляд удовлетворяющие нашу жажду знаний, однажды исправляются или заменяются новыми. Наука не дает абсолютной и окончательной определенности. Она дает лишь некоторую долю уверенности в границах наших умственных способностей и существующего состояния научного знания. Научная система — лишь полустанок на бесконечном пути поиска знаний. Она неизбежно поражена недостаточностью, присущей любым человеческим усилиям. Но признание этих фактов не означает отсталости современной экономической науки. Просто экономическая наука — живое образование. А жизнь подразумевает несовершенство и изменения.
- 2 Упреки в мнимой отсталости выдвигаются в отношении экономической теории с двух точек зрения.
- 3 С одной стороны, некоторые натуралисты и физики порицают экономическую теорию за то, что она не является естественной наукой и не применяет лабораторных методов и процедур. Одной из задач данного трактата как раз и является разоблачение ложности таких идей. В этих вводных замечаниях, наверное, достаточно будет сказать несколько слов об их психологической подоплеке. Узкомыслящие люди обычно подвергают сомнению все, что отличает других людей от них самих. Верблюд из басни возражает против любых животных, не имеющих горба, руританцы критикуют лапутанцев^[46] за то, что те не руританцы. Исследователь в лаборатории считает ее единственно достойным местом для исследований, а дифференциальные уравнения — единственно правильным способом выражения результатов научной мысли. Он просто не способен увидеть эпистемологические проблемы человеческой деятельности. Для него экономическая наука не может быть не чем иным, как разновидностью механики.

Существуют люди, которые утверждают: что-то не так в социальных науках, поскольку социальные условия неудовлетворительны. За последние два-три столетия естественные науки достигли удивительных результатов. Их практическое использование подняло общий уровень жизни на небывалую высоту. Но, как говорят эти критики, социальные науки не сделали для этого ничего. Они не уничтожили нищету и голод, кризисы и безработицу, войну и тиранию. Они бесплодны и не сделали ничего, что бы способствовало счастью и благосостоянию людей. 4

Эти ворчуны не понимают, что потрясающий прогресс технологий производства и простекающее из этого увеличение богатства и благосостояния стали возможны только благодаря следованию либеральной экономической политике, которая представляла собой применение экономических учений на практике. Именно идеи экономистов классической школы ликвидировали помехи, создаваемые вековыми законами, обычаями и предубеждениями в отношении технологических улучшений и освободили гений реформаторов и новаторов от смиренных рубашек гильдий, опеки правительства и разнообразного общественного давления. Именно они понизили престиж завоевателей и экспроприаторов и продемонстрировали пользу деловой активности для общества. Ни одно из современных великих изобретений нельзя было бы использовать, если бы экономисты не разрушили до основания ментальность докапиталистической эпохи. То, что обычно называют Промышленной революцией^[47], является продуктом идеологической революции, вызванной учениями экономистов. Экономисты разбили старые оковы: что нечестно и несправедливо одолеть конкурента, производя товары дешевле и качественнее; нельзя отказываться от традиционных методов производства; машины — зло, потому что приводят к безработице; одной из задач гражданского правительства является не допускать обогащения способных бизнесменов и защищать менее способных от конкуренции более способных; ограничение свободы предпринимателей с помощью государственного сдерживания или принуждения со стороны других общественных сил является средством для обеспечения благополучия нации. Локомотивами современного капитализма были британская политическая экономия и французская физиократия^[48]. Именно они сделали возможным развитие прикладных^[49] естественных наук на благо широких масс. 5

Что неладно с нашей эпохой, так это как раз широко распространенное неведение о той роли принципов экономической свободы, которую они сыграли в технологическом^[49] развитии за последние 200 лет. Многие ошибочно полагают, что улучшение методов производства совпало с политикой *laissez faire*^[49] только благодаря случаю. Введенные в заблуждение марксистскими мифами, они считают современный индустриализм результатом действия мистических «производительных сил», которые ни в коей мере не зависят от идеологических факторов. Классическая политэкономия, по их мнению, была не фактором подъема капитализма, а скорее продуктом, его «идеологической надстройкой», т.е. доктриной, направленной на защиту несправедливых требований капитали- 6

стических эксплуататоров. Следовательно, уничтожение капитализма и замена рыночной экономики и частного предпринимательства социалистическим тоталитаризмом не помешают дальнейшему развитию технологии. Наоборот, это будет способствовать внедрению технологических усовершенствований, устранив с их пути препятствия, воздвигаемые эгоистическими интересами капиталистов.

7 Характерной чертой эпохи разрушительных войн и дезинтеграции был бунт против экономической теории. Томас Карлейль окрестил ее «мрачной наукой»^{[3]. [20]}, а Карл Маркс заклеил экономистов как «сикофантов буржуазии». Шарлатаны, расхваливающие собственные рецепты построения рая на земле, находят удовольствие в поношении экономической науки как «ортодоксальной» и «реакционной». Демагоги гордятся тем, что они называют победой над экономической наукой. «Практичный» человек бравирует своим пренебрежением к теории и безразличием к учениям «кабинетных» экономистов. Экономическая политика последних десятилетий — результат умонастроений тех, кто всеми способами издевается над последовательно логичной экономической теорией и возвышает ложные доктрины ее клеветников. В большинстве стран то, что называется «ортодоксальной» экономической теорией, изгнано из университетов и фактически неизвестно ведущим государственным деятелям, политикам и ученым. Но нельзя вину за неудовлетворительное экономическое положение возлагать на науку, которую и правители, и массы презирают и игнорируют.

8 Необходимо подчеркнуть, что судьбы современной цивилизации, построенной белыми народами за последние 200 лет, неразрывными узами связаны с судьбой экономической науки. Эта цивилизация стала возможной потому, что людьми владели идеи, бывшие приложением экономических теорий к проблемам экономической политики. Но она неизбежно погибнет, если государства будут и дальше следовать курсу, на который они свернули под влиянием теорий, отвергающих экономическое мышление.

9 Следует признать, что экономическая наука — наука теоретическая и в этом качестве воздерживается от любых ценностных суждений. В ее задачи не входит предписывать людям цели, к которым тем следует стремиться. Это наука о средствах, которые будут использованы для достижения избранных целей, но, безусловно, не наука выбора целей. Окончательные решения, оценки и целеполагание находятся вне рамок любой науки. Наука никогда не скажет человеку как ему следует поступать; она просто демонстрирует, как человек должен действовать, чтобы добиться конкретных результатов.

10 Многим кажется, что этого абсолютно недостаточно, и от науки, ограниченной исследованием того, что есть, и не способной дать оценку высших и конечных целей, мало прока для жизни и деятельности. И это тоже ошибка. Однако демонстрация ошибочности данного утверждения не входит в задачи данных вводных замечаний. Это одна из целей всего трактата в целом.

4. Резюме

Предварительные замечания были необходимы, чтобы пояснить, почему этот трактат помещает экономические проблемы в широкий контекст общей теории человеческой деятельности. На нынешнем этапе развития экономической мысли и политических дискуссий, касающихся фундаментальных вопросов общественного устройства, невозможно и далее изолировать исследование собственно каталлактических проблем. Эти проблемы являются частью общей науки о человеческой деятельности и требуют соответствующего отношения. 1

Часть первая

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

I. ДЕЙСТВУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

1. Целенаправленное действие и животная реакция

- 1 **Ч**еловеческая деятельность есть целенаправленное поведение. Можно сказать и иначе: деятельность есть воля, приведенная в движение и трансформированная в силу; стремление к цели; осмысленная реакция эго^[24] на раздражение и условия среды; сознательное приспособление человека к состоянию Вселенной, которая определяет его жизнь. Эти уточнения должны прояснить данное определение и предотвратить возможность неверных интерпретаций. Но само определение является точным и не нуждается в дополнениях и комментариях.
- 2 Сознательное, или целенаправленное, поведение резко контрастирует с бессознательным поведением, т.е. с рефлексам и произвольными реакциями на раздражение клеток тела и нервов. Порой люди готовы полагать, что границы между сознательным поведением и произвольными реакциями человеческого тела являются более или менее неопределенными. Это верно лишь постольку, поскольку иногда не так просто установить, является конкретное поведение умышленным или произвольным. Тем не менее различие между сознательным и бессознательным достаточно резкое и может быть четко установлено.
- 3 Для действующего эго бессознательная реакция органов тела и клеток — такая же данность, как и остальные явления внешнего мира. Действующий чело-

век должен принимать во внимание все, что происходит в его теле, точно так же, как и другие факторы, например погоду или отношение своих соседей. Разумеется, в определенных пределах целенаправленное поведение способно нейтрализовать действие телесных сил и в этих границах поставить тело под контроль. Иногда человеку удается усилием воли одолеть болезнь, компенсировать врожденные или приобретенные недостатки физической конституции или подавить рефлекс. В той мере, в какой это возможно, поле целенаправленной деятельности расширяется. Если человек воздерживается от управления произвольными реакциями клеток и нервных центров, хотя в силах это сделать, его поведение, с нашей точки зрения, является целенаправленным.

Область нашей науки — человеческая деятельность, а не психологические события, которые ведут к действию. Именно это отличает общую теорию человеческой деятельности, праксеологию, от психологии. Предмет психологии — внутренние события, которые приводят или могут привести к определенной деятельности. Предмет праксеологии — деятельность как таковая. Это также определяет отношение праксеологии к психоаналитической концепции подсознательного. Психоанализ^[22] — тоже психология и исследует не деятельность, а силы и факторы, которые побуждают человека к определенной деятельности. Психоаналитическое подсознательное является психологической, а не праксеологической категорией. На природу деятельности не влияет, будут ли причинами действия явное обдумывание, забытые воспоминания или подавленные желания, направляющие волю, с так называемых затопленных областей. И убийца, которого подсознательные побуждения (ид^[21]) толкают на преступление, и невротик, чье отклоняющееся поведение кажется бессмысленным для неподготовленного наблюдателя, оба действуют; они, как и любой другой человек, стремятся достичь определенных целей. И заслуга психоанализа как раз в том и состоит, что он показал, насколько осмысленным является даже поведение невротиков и психопатов, что они тоже ведут себя целенаправленно, хотя мы, считающие себя нормальными и здравомыслящими, называем рассуждения, определяющие их выбор целей, бессмысленными, а выбираемые ими средства достижения этих целей — противоречащими намерениям.

Термин «бессознательный» в праксеологии и термины «подсознательный»⁵ и «бессознательный»^[5], применяемые в психоанализе, принадлежат к двум разным направлениям мысли и исследований. Практиология не менее других отраслей знания многим обязана психоанализу. Тогда тем более необходимо осознать границу, которая отделяет праксеологию от психоанализа.

Действие — это не просто отдавание предпочтения. Человек демонстрирует предпочтение в том числе и в ситуациях, когда события являются неизбежными или считаются таковыми. Так, человек может предпочитать солнце дождю и желать, чтобы солнце разогнало тучи. Желая и надеясь, он активно не вмешивается в ход событий и формирование собственной судьбы. Но действующий человек выбирает, определяет цель и пытается ее достичь. Из двух вещей, которые нель-

зя получить одновременно, он отбирает одну и отказывается от другой. Поэтому действие подразумевает принятие и отказ.

- 7 Выражение желаний и надежд и объявление планируемых действий может быть формой действия в той мере, в какой они сами по себе направлены на достижение определенной цели. Но их нельзя смешивать с действиями, к которым они относятся. Они не тождественны действиям, о которых они извещают, которые рекомендуют или отвергают. Действие — вещь реальная. В расчет берется общее поведение человека, а не его разговоры о планировавшихся, но не реализованных поступках. С другой стороны, действие следует четко отличать от приложения труда. Действие означает применение средств для достижения целей. Как правило, одним из используемых средств является труд действующего человека. Но это необязательно. В особых условиях достаточно лишь слова. Тот, кто отдает приказы и устанавливает запреты, может действовать без затрат труда. Говорить или не говорить, улыбаться или оставаться серьезным — все это может быть действием. Потребление и наслаждение являются такими же действиями, что и воздержание от доступного потребления и наслаждения.
- 8 Следовательно, праксеология не проводит различия между «активным», или энергичным, и «пассивным», или праздным, человеком. Энергичный человек, усердно стремящийся улучшить свое положение, действует не больше и не меньше, чем апатичный человек, инертно принимающий события по мере их свершения. Поскольку ничегонеделание и пребывание в праздности также являются деятельностью, они тоже определяют ход событий. Там, где присутствуют условия для человеческого вмешательства, человек действует вне зависимости от того, вмешивается он или воздерживается от вмешательства. Тот, кто терпит то, что он в силах изменить, действует в такой же степени, что и тот, кто вмешивается с целью добиться других результатов. Человек, воздерживающийся от оказания влияния на воздействие психологических и инстинктивных факторов, на которые он способен повлиять, также действует. Действие — это не только делание, но и в не меньшей степени неделание того, что, возможно, могло бы быть сделано.
- 9 Можно сказать, что действие — это проявление человеческой воли. Но это ничего не добавит к нашему знанию. Потому что термин *воля* означает не что иное, как способность человека выбирать между различными состояниями дел, предпочитать одно, отвергать другое и вести себя в соответствии с решениями, принятыми для реализации избранных состояний и отказа от остальных.

2. Предпосылки человеческого действия

- 1 Состояние человека, которое не ведет и не может привести ни к какому действию, мы называем удовлетворенностью или удовлетворением. Действующий человек стремится исправить неудовлетворительное состояние дел и достичь более удовлетворительного. Он представляет себе условия, которые лучше под-

ходят ему, а его деятельность направлена на то, чтобы осуществить желаемое состояние. Стимулом, побуждающим человека действовать, всегда является некоторое беспокойство¹. У человека, полностью удовлетворенного состоянием своих дел, не будет стимулов к переменам. У него не будет ни желаний, ни вожелений; он будет абсолютно счастлив. Он не будет действовать, а просто станет беззаботно жить.

Но чтобы заставить человека действовать, простого беспокойства и образа более удовлетворительного состояния недостаточно. Необходимо третье условие: ожидание, что целенаправленное поведение способно устранить или по крайней мере смягчить ощущение беспокойства. Если это условие не выполняется, то никакое действие невозможно. Человек должен смириться с неизбежностью. Он должен покориться судьбе.

Это общие условия человеческой деятельности. Человек есть существо, которое живет в данных обстоятельствах. Он не только *homo sapiens*, но и в не меньшей степени *homo agens*. Существо человеческого происхождения, от рождения или в результате приобретенных недостатков окончательно не способное ни к какому действию (в строгом смысле этого термина, а не только в юридическом), практически не является человеком. Хотя закон и биология считают их людьми, они лишены необходимого признака человеческой природы. Новорожденный младенец также не является действующим существом. Он еще не прошел весь путь от зачатия до полного развития своих человеческих качеств. Но в конце этой эволюции он становится действующим существом.

(1) О счастье

В разговорной речи мы называем человека, которому удалось добиться своих целей, «счастливым». Точнее будет сказать, что он более счастлив, чем раньше. Тем не менее не существует веских возражений против определения человеческой деятельности как стремления к счастью.

Однако необходимо избегать некоторых ошибочных толкований. Конечной целью человеческой деятельности всегда является удовлетворение желаний действующего человека. Кроме индивидуальных ценностных суждений, неодинаковых у разных людей и у одного и того же человека в разные периоды жизни, другого мерил удовлетворения не существует. То, что заставляет человека чувствовать беспокойство, устанавливается им самим исходя из его собственных желаний и суждений, личных и субъективных оценок. Никто не в состоянии декретировать, что должно сделать другого человека счастливее.

Чтобы установить этот факт, нет никакой необходимости обращаться к противоположности эгоизма и альтруизма, материализма и идеализма, индиви-

¹ См.: *Locke. An Essay Concerning Human Understanding* / ed. Fraser. Oxford, 1894. V. I. P. 331–333⁽⁴⁾; *Leibniz. Nouveaux essais sur l'entendement humain* / ed. Flammarion. P. 119⁽⁵⁾.

дуализма и коллективизма, атеизма и религии. Одни стремятся улучшить свое собственное положение. У других осознание неприятностей и затруднений ближнего вызывает такое же и даже большее беспокойство, чем собственные нужды. Одни не стремятся ни к чему, кроме удовлетворения своих потребностей в половых сношениях, еде, питье, хорошем доме и других материальных благах. Другие же заботятся об удовлетворении, как принято говорить, «высших» или «идеальных» удовольствий. Некоторые пытаются привести свои действия в соответствие с требованиями общественного сотрудничества; другие игнорируют правила общественной жизни. Есть люди, для которых конечной целью земного пути является подготовка к блаженной жизни. Но существуют и другие — те, кто не верит ни в какие религиозные учения и не позволяет своим действиям находиться под их влиянием.

- 4 Для праксеологии конечные цели деятельности безразличны. Ее выводы действительны для любого вида деятельности, невзирая на преследуемые при этом цели. Это наука о средствах, а не о целях. Она использует понятие счастья в чисто формальном смысле. В терминах праксеологии утверждение «Единственная цель человека — достижение счастья» тавтологично. В нем не подразумевается никакого утверждения о положении дел, от которого человек ожидает счастья.
- 5 Идея о том, что стимулом человеческой активности всегда служит некоторое беспокойство, а ее цель всегда состоит в смягчении, насколько возможно, этого беспокойства, чтобы заставить действующего человека чувствовать себя счастливее, составляет суть учений эвдемонизма и гедонизма^[23]. Эпикурейское ἀταραξία^[24] есть состояние абсолютного счастья и удовлетворенности, на которое направлена вся человеческая активность, но недостижимое в полной мере. Несмотря на все великолепие этого знания, оно остается малопригодным, так как представителям этой философии не удалось осознать формального значения понятий *боль* и *удовольствие* и они придавали им материальный или чувственный смысл. Теологические, мистические и другие школы гетерономной этики^[25] не поколебали фундамент эпикурейства, поскольку не смогли выдвинуть никаких возражений, кроме игнорирования им «высших» и «благородных» удовольствий. Действительно, сочинения многих ранних поборников эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма открыты для неверного толкования. Но язык современных философов и в еще большей степени экономистов настолько точен и прямолинеен, что не допускает ошибочного толкования.

(2) Об инстинктах и импульсах

- 1 Методы инстинкт-социологии не способствуют углублению осмысления фундаментальных проблемы человеческой деятельности. Эта школа классифицирует разнообразные цели человеческой деятельности и в качестве мотива присваивает каждому классу особый инстинкт. Человек представляется как существо, управляемое врожденными инстинктами и склонностями. Предполагается, что

такое объяснение раз и навсегда разрушает все ненавистные учения экономической науки и утилитаристской этики. Однако Фейербах как-то справедливо заметил, что любой инстинкт — это инстинкт к счастью². Метод инстинкт-психологии и инстинкт-социологии состоит в произвольном классифицировании непосредственных целей деятельности и наделении каждой из них самостоятельным бытием. Там, где праксеология говорит, что цель деятельности состоит в смягчении некоторого беспокойства, инстинкт-психология заявляет, что это удовлетворение инстинктивного побуждения.

Многие поборники инстинктивной школы убеждены, что они доказали: действие не детерминировано разумом, а исходит из глубин врожденных сил, побуждений, инстинктов и склонностей, которые не поддаются рациональному объяснению. Уверенные в том, что им удалось разоблачить поверхностность рационализма, они третируют экономическую теорию как «паутину ложных заключений, выведенных из ложных психологических посылок»³. Рационализм, праксеология и экономическая наука не рассматривают изначальные побудительные причины и цели деятельности, а изучают средства, применяемые для достижения преследуемых целей. Несмотря на непостижимость глубины, из которой появляются побуждения и инстинкты, средства, выбираемые человеком для их удовлетворения, определяются рациональным рассмотрением затрат и успеха⁴.

Тот, кто действует под влиянием эмоциональных импульсов, тоже действует. Отличие эмоционального действия от других действий заключается в оценке затрат и результатов. Эмоции искажают оценочную функцию. Человек, сжигаемый страстью, видит цель более желанной, а цену, которую он должен заплатить, менее обременительной, чем ему бы это показалось, если бы он действовал более хладнокровно. Люди никогда не сомневались, что и в эмоциональном возбуждении средства и цели взвешиваются, поэтому необходимо оказывать влияние на результаты этого обдумывания, вынося более суровый приговор за то, что человек поддался порыву страсти. Наказывать за уголовные преступления, совершенные в состоянии эмоционального возбуждения или опьянения, мягче других равносильно поощрению таких эксцессов. Угроза сурового возмездия срабатывает, даже если люди движимы страстью, кажущейся неодолимой.

Мы интерпретируем животное поведение исходя из предположения, что животные поддаются тем побуждениям, которые в данный момент оказались сильнее. Когда мы видим, что животные едят, спариваются и нападают на других животных или человека, мы говорим об инстинктах питания, размножения

² См.: *Feuerbach. Sämmtliche Werke* / ed. Bolin and Jodl. Stuttgart, 1907. Bd. X. S. 231.⁽⁶⁾

³ См.: *McDougall W. An Introduction to Social Psychology*. 14th ed. Boston, 1921. P. 11.

⁴ См.: *Mises. Epistemological Problems of Economics* / trans. by G. Reisman. New York, 1960. P. 52 ff.⁽⁷⁾. ⁽⁶⁾

и агрессивности. Мы считаем, что такие инстинкты являются врожденными и требуют безусловного удовлетворения.

- 5 Но у человека все иначе. Человек не является существом, которое не способно не поддаться импульсу, наиболее настойчиво требующему удовлетворения. Человек — это существо, способное контролировать свои инстинкты, эмоции и побуждения; он способен рационализировать свое поведение. Человек отказывается от удовлетворения сжигающих его импульсов в пользу удовлетворения других желаний. Он не является марионеткой своих инстинктивных потребностей. Мужчина не насилует любую женщину, которая будоражит его чувства. Человек не пожирает любую пищу, которая его манит; он не сбивает с ног любого, кого хотел бы убить. Он упорядочивает свои желания и стремления в шкалу, он выбирает; короче говоря, он действует. В отличие от животных человек обдуманно регулирует свое поведение. Человек — существо, имеющее запреты, способное обуздывать свои побуждения и желания, подавлять инстинктивные желания и побуждения.
- 6 Может статься, что импульс будет столь сильным, что никакие неприятности, связанные с его реализацией, не смогут удержать индивида от его удовлетворения. И в этом случае выбор имеет место. Человек решает уступить желанию⁵.

3. Человеческое действие как конечная данность

- 1 С незапамятных времен люди стремятся найти перводвижитель, причину всего сущего и всех изменений, изначальную субстанцию, из которой все произошло и которая является причиной самой себя. Притязания науки скромнее. Она осознает ограниченность человеческого разума и человеческих поисков знания. Все явления она стремится проследить до их причин. Пытаясь узнать причину любого явления, наука понимает, что в конце концов натолкнется на непреодолимые препятствия. Существуют такие явления, которые не могут быть проанализированы и сведены к другим явлениям. Они представляют собой конечную данность. В ходе научных изысканий иногда удается показать, что нечто, считавшееся до этого конечной данностью, можно расчленить на составные части. Но всегда будет существовать определенное количество нерасчленимых и неанализируемых явлений, определенное количество конечных данностей.
- 2 Монизм учит, что существует всего одна первоначальная субстанция, дуализм утверждает, что две, а плюрализм — что их много. Но об этих проблемах не стоит спорить. Подобные метафизические^[26] диспуты бесконечны. Современное состояние нашего знания не позволяет дать ответ, который устроил бы всех разумных людей.

⁵ В этих случаях огромную роль играет тот факт, что данные два удовлетворения — ожидаемое от уступки побуждению и от избежания нежелательных последствий этого — не одновременны (см. с. 453–464).

Материалистический монизм утверждает, что человеческие мысли и волевые акты являются результатом действия органов тела, клеток мозга и нервов. Человеческая мысль, воля и действие вызываются исключительно материальными процессами, которые когда-нибудь получат исчерпывающее объяснение на основе физических и химических исследований. Это также является метафизической гипотезой, хотя сторонники и считают ее непоколебимой и неопровержимой истиной. 3

Для объяснения связи разума и тела выдвинуто множество теорий. Но это все предположения и догадки без ссылок на наблюдаемые факты. Определенно можно сказать только то, что между психическими и физиологическими процессами существует взаимосвязь. Относительно природы и функционирования этих связей если мы что-то и знаем, то очень мало. 4

Конкретные ценностные суждения и отдельные человеческие действия не поддаются дальнейшему анализу. Вполне можно предполагать или считать, что они полностью зависят от своих причин или обусловлены ими. Но пока мы не знаем, какие внешние факторы — физические или физиологические — вызывают в человеческом мозгу конкретные мысли и желания, приводящие к соответствующим действиям, мы будем сталкиваться с непреодолимым *методологическим дуализмом*. На современном этапе развития знания позитивизм, монизм и панфизикализм — просто методологические постулаты, лишённые всякого научного основания, бессмысленные и бесполезные для научного исследования. Разум и опыт демонстрируют нам две обособленные реальности: внешний мир физических, химических и физиологических явлений и внутренний мир мыслей, чувств, оценок и целенаправленных действий. И никакие мостики — насколько мы можем судить сегодня — не соединяют эти два мира. Одинаковые внешние события иногда приводят к разным человеческим реакциям; в то же время разные внешние события иногда вызывают одинаковые человеческие реакции. И мы не знаем почему. 5

Это заставляет нас прокомментировать наиболее существенные положения монизма и материализма. Мы можем верить или не верить в то, что естественным наукам однажды удастся объяснить производство конкретных идей, ценностных суждений и действий подобно тому, как они объясняют получение химического соединения как необходимый и неизбежный результат определенной комбинации элементов. А до тех пор мы вынуждены придерживаться методологического дуализма. 6

Человеческая деятельность — одно из средств осуществления изменений. Она — элемент космической активности и становления. Поэтому она является законным объектом научного исследования. Поскольку ее невозможно (по крайней мере в современных условиях) свести к ее причинам, ее следует рассматривать как конечную данность и изучать как таковую. 7

Конечно, в сравнении с действием великих космических сил изменения, вызываемые человеческой деятельностью, незначительны. С точки зрения веч- 8

ности и бесконечной Вселенной человек — бесконечно малая песчинка. Но для самого человека деятельность вполне реальна. Деятельность — суть его природы и существования, средство сохранения жизни и возвышения над уровнем развития животных и растений. Несмотря на бренность и мимолетность жизни, человеческие усилия имеют первостепенное значение для человека и его науки.

4. Рациональность и иррациональность, субъективизм и объективность праксеологических исследований

- 1 Человеческая деятельность с необходимостью всегда рациональна. Поэтому термин «рациональная деятельность» избыточен и как таковой должен быть отброшен. В приложении к конечным целям деятельности термины «рациональный» и «иррациональный» неуместны и бессмысленны. Конечная цель деятельности всегда состоит в удовлетворении определенных желаний действующего человека. Поскольку никто не в состоянии заменить своими собственными ценностными суждениями ценностные суждения действующего субъекта, выносить суждения о целях и желаниях других людей бесполезно. Никто не имеет права объявлять, что сделает другого человека счастливее или менее неудовлетворенным. Критик или говорит нам, к чему, как он считает, он бы стремился, если бы был на месте другого, или с диктаторской самонадеянностью беспечно распоряжается желаниями и устремлениями другого человека, заявляя, какие обстоятельства этого другого человека больше подходят ему, критику.
- 2 Если деятельность направлена на достижение «идеального» или «высшего» удовлетворения в ущерб «материальным» и осязаемым выгодам, ее обычно называют иррациональной. В этом случае говорят, например (иногда одобрительно, иногда с осуждением), что человек, жертвующий жизнью, здоровьем, богатством во имя «высших» благ — преданности религиозным, философским и политическим убеждениям или свободе и процветанию своего народа, — движим иррациональными соображениями. Однако стремление к подобным высшим целям не более и не менее рационально или иррационально, чем стремление к другим человеческим целям. Ошибочно полагать, что удовлетворение первичных жизненных потребностей более рационально, естественно или оправданно, чем стремление к другим вещам и удовольствиям. Следует признать, что потребности в пище и тепле объединяют человека с другими млекопитающими, и, как правило, люди, которым недостает пищи и крова, сосредоточивают свои усилия на удовлетворении этих насущных потребностей, мало заботясь о других вещах. Влечение к жизни, т.е. сохранение собственной жизни и использование любой возможности для активизации своих жизненных сил, является основным признаком жизни и присутствует в каждом живом существе. Но для человека подчинение этому инстинкту не является неизбежной необходимостью.

В то время как животные безусловно подчиняются влечению к сохранению жизни и влечению к размножению, во власти человека справиться даже с этими влечениями. Он может управлять и сексуальными желаниями, и тягой к жизни. Человек может отказаться от жизни, если условия ее сохранения кажутся ему неприемлемыми. Человек способен умереть ради чего-то или закончить жизнь самоубийством. Жизнь для человека — результат выбора, ценностного суждения. 3

То же самое относится и к желанию жить в достатке. Само существование аскетов и тех, кто отказывается от материальных выгод ради верности своим убеждениям и сохранения чувства собственного достоинства и самоуважения, служит доказательством того, что стремление к более осязаемым удовольствиям не является неизбежным, а, напротив, есть результат выбора. Разумеется, подавляющее большинство предпочитает жизнь смерти и богатство бедности. 4

Безосновательно считать «естественным» и потому «рациональным» лишь удовлетворение физиологических потребностей, а все остальное «искусственным» и потому «иррациональным». Именно тот факт, что человек в отличие от животных занят поисками не только пищи, крова и сексуальных партнеров, но и других видов удовлетворения, и составляет характерную черту человеческой природы. Человек имеет специфические человеческие желания и потребности, которые можно назвать «более высокими», чем потребности, свойственные также и другим млекопитающим⁶. 5

Применительно к средствам, избираемым для достижения целей, понятия рационального и иррационального подразумевают оценку целесообразности и адекватности применяемых процедур. Критик одобряет или не одобряет избранный метод с точки зрения его соответствия рассматриваемым целям. Человеческий разум не отличается непогрешимостью, и человеку часто свойственно ошибаться в выборе и применении средств. Деятельность, не соответствующая цели, не оправдывает ожиданий. Она противоречит намерениям, но тем не менее рациональна, т.е. результат разумного — пусть и ошибочного — обдумывания и представляет собой попытку — хоть и неудачную — достичь определенной цели. Врачи, сто лет назад применявшие определенные приемы для лечения рака, от которых отказалась современная медицина, с точки зрения современной патологии были плохо информированы и потому неэффективны. Но они не действовали иррационально; они делали все, что было в их силах. Возможно, еще через сто лет в распоряжении врачей окажутся более эффективные методы лечения этого заболевания. Эти врачи будут более эффективными, но не более рациональными, чем наши врачи. 6

Противоположность деятельности — не *иррациональное поведение*, а реактивная реакция органов тела и инстинктов, которая не может контролироваться 7

⁶ Об ошибках, содержащихся в железном законе заработной платы см. с. 570 и сл.; о неверном понимании мальтузианской теории см. с. 634—639.

волевыми актами человека. При определенных условиях на одно и то же раздражение человек может отвечать как реактивной реакцией, так и действием. Если человек отравлен ядом, его органы реагируют включением защитных сил; дополнительно может вмешаться действие, применив противоядие.

- 8 По отношению к проблеме, связанной с противопоставлением рационального и иррационального, между естественными и общественными науками не существует различий. Наука всегда должна быть рациональной. Наука — это попытка достичь мысленного схватывания путем систематического упорядочивания всего имеющегося знания. Но, как было сказано выше, разложение объектов на составные элементы рано или поздно неизбежно достигает предела, дальше которого не может продолжаться. Человеческий разум даже не способен постичь род знания, не ограниченного конечной данностью, недоступной для дальнейшего анализа и сведения. Научный метод, который доводит разум до этой точки, абсолютно рационален. Иррациональным фактом можно назвать конечную данность.
- 9 В наши дни становится модным бранить общественные науки за бесприемный рационализм. Самыми популярными упреками, выдвигаемыми против экономической науки, являются игнорирование иррациональности жизни и реальности и попытки втиснуть бесконечное разнообразие явлений в сухие рациональные схемы и тощие абстракции. Более абсурдных обвинений невозможно представить. Как и любая другая отрасль науки, экономическая теория может развиваться только до тех пределов, где действуют рациональные методы. Затем она останавливается, обнаружив, что натолкнулась на конечную данность, т.е. явление, которое не может (по крайней мере на современном этапе развития знания) быть подвергнуто дальнейшему анализу⁷.
- 10 Учения праксеологии и экономической теории действительно для любой человеческой деятельности безотносительно к лежащим в ее основе мотивам, причинам и целям. Для любого вида научного исследования конечные ценностные суждения и конечные цели человеческой деятельности заданы, они недоступны для дальнейшего анализа. Праксеология занимается методами и средствами, выбираемыми для достижения таких конечных целей. Ее предмет — средства, а не цели.
- 11 В этом смысле мы говорим о субъективизме общей науки о человеческой деятельности. Она принимает конечные цели действующего человека в качестве исходных данных, оставаясь нейтральной по отношению к ним, и воздерживается от вынесения ценностных суждений. Единственная норма, которую она применяет, — соответствие избранных средств преследуемым целям. Когда эвдемонизм говорит «счастье», когда утилитаризм^[27] и экономическая наука говорят «полезность», мы должны истолковывать эти понятия с субъективной точки зрения как

⁷ Ниже мы увидим (с. 46–57) как с конечной данностью обращаются эмпирические социальные науки.

то, к чему стремится действующий человек, потому что в его глазах это желательно. Именно в этом формализме заключается прогрессивность современного смысла эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма в противоположность старому материальному значению, а также прогрессивность субъективистской теории ценности в противоположность объективистской теории ценности классической политэкономии. В то же время именно в этом субъективизме лежит объективность нашей науки. Вследствие своего субъективизма и принятия ценностных суждений действующего человека в качестве конечной данности, не допускающей их дальнейшего критического исследования, сама эта наука возвышается над всеми спорами партий и фракций, безразлична к конфликтам всех школ догматизма и этических теорий, свободна от оценок и предвзятых идей и мнений, характеризуется всеобщностью и является абсолютно и откровенно человеческой.

5. Причинность как условие деятельности

Человек в состоянии действовать, потому что обладает способностью открывать причинные связи, определяющие процессы изменений и становления во Вселенной. Деятельность требует и предполагает категорию причинности. Действовать способен только человек, видящий мир сквозь призму причинности. В этом смысле можно сказать, что причинность является категорией деятельности. Категория *средства и цели* включает в себе категорию *причина и следствие*. В мире, где отсутствуют причинность и упорядоченность явлений, нет места для человеческих рассуждений и человеческой деятельности. Человек даже не способен вообразить условия существования такого хаотичного универсума.

Там, где человек не находит никакой причинной связи, он не может действовать. Но обратное неверно. Даже когда человеку известна причинная связь, он не может действовать, если не в состоянии повлиять на причину.

Архетип причинного исследования выглядел следующим образом: где и как я должен вмешаться для того, чтобы отклонить течение событий от пути, по которому оно бы продолжалось без моего вмешательства, в сторону, более соответствующую моим желаниям? Именно в этом смысле человек ставит вопрос: кто или что лежит в основе вещей? Он ищет регулярность и «закон» потому, что хочет вмешаться. И лишь много позже эти поиски были широко истолкованы метафизиками как поиски последней причины бытия и существования. Потребовались века, чтобы от этих преувеличенных и крайних идей вернуться к более скромному вопросу: где нужно вмешаться или где можно вмешаться, чтобы достичь той или иной цели?

Вследствие путаницы, привнесенной некоторыми знаменитыми физиками, трактовка проблемы причинности в последние десятилетия является крайне неудовлетворительной. Можно надеяться, что эта неприятная глава в истории философии станет предупреждением будущим философам.

Причины многих изменений (по крайней мере в настоящее время) нам неизвестны. Иногда удается получить частичное знание, и мы можем сказать: в 70%

случаев *A* приводит к *B*, в остальных случаях к *C* или даже к *D*, *E*, *F*, и т.д. Чтобы заменить это фрагментарное знание более точным, необходимо расчленить *A* на элементы. Пока это не сделано, мы должны уступить тому, что называется^[7] статистическим законом. Но это не меняет праксеологического значения причинности. Полное или частичное^[8] незнание в некоторых областях не уничтожает категорию причинности.

- 6 Философские, эпистемологические и метафизические проблемы причинности и неполной индукции находятся вне рамок праксеологии. Мы просто должны зафиксировать: для того, чтобы действовать, человек должен знать причинные отношения между событиями, процессами и состояниями. И лишь в той степени, в какой ему известны эти отношения, его деятельность может привести к достижению целей. Мы полностью отдаем себе отчет, что, утверждая это, движемся в круге, так как доказательством правильности понимания причинной связи служит только то, что деятельность, направляемая этим знанием, приводит к ожидаемым результатам. Но мы не можем избежать этого порочного круга доказательства как раз потому, что причинность является категорией деятельности. Поэтому праксеология не может не уделять определенного внимания этой фундаментальной проблеме философии.

6. Другое Я

- 1 Если мы готовы принять понятие причинности в самом широком смысле, то телеологию^[28] можно назвать видом причинного исследования. Конечные причины^[29] — это прежде всего причины. Причина события рассматривается как действие или квазидействие, направленное к некоторой цели.
- 2 И первобытный человек, и маленький ребенок с наивно-антропоморфической точкой зрения считают вполне правдоподобным, что любое изменение или событие является результатом деятельности существа, действующего таким же образом, что и они сами. Они уверены, что, подобно им, животные, растения, горы, реки и даже камни и небесные тела являются чувствующими, волящими и деятельными существами. Только на поздних стадиях культурного развития человек отказывается от этих анимистических представлений и заменяет их механистической картиной мира. Механицизм оказывается столь хорошим принципом поведения, что люди в конце концов начинают думать, что с его помощью решат все проблемы мышления и научных исследований. Материализм и панфизикализм объявляют механицизм сутью всего знания, а экспериментальные и математические методы — единственно научным образом мышления. Все изменения понимаются как движения, подчиняющиеся законам механики.
- 3 Поборников механицизма не смущают остающиеся нерешенными проблемы логического и эпистемологического обоснования принципов причинности и неполной индукции. По их мнению, эти принципы правильны, потому что работают. Тот факт, что лабораторные эксперименты дают результаты, предска-

занные теориями, а машины на фабриках работают в соответствии с предписаниями технологии, доказывает, говорят они, правильность методов и выводов современных естественных наук. Учитывая, что наука не может предложить нам окончательной истины — да и кто знает, что такое на самом деле истина, — по меньшей мере определенно можно сказать, что ее результаты ведут нас к успеху.

Но именно когда мы становимся на эту прагматичную точку зрения, бес- 4
содержательность догм панфизикализма становится особенно очевидной. Как указывалось выше, науке не удалось решить проблемы отношений между психикой и телом. Панфизикалисты, безусловно, не могут утверждать, что рекомендуемые ими процедуры когда-либо срабатывали в области межчеловеческих отношений и общественных наук. Однако не подлежит сомнению, что принцип, в соответствии с которым эго^[22] рассматривает любое человеческое существо, как если бы иное мыслящее и действующее существо было похоже на него, доказал свою полезность как в обыденной жизни, так и в научных исследованиях. Нельзя отрицать, что он работает.

Вне всякого сомнения, практика рассмотрения других людей как существ, 5
которые мыслят и действуют как я, эго, оказалась успешной; вместе с тем перспективы получения подобного прагматического подтверждения постулата, требующего относиться к ним как к объектам естественных наук, выглядят безнадежными. Эпистемологические проблемы, возникающие при объяснении поведения других людей, не менее запутанны, чем проблемы причинности и неполной индукции. Давайте признаем, что невозможно найти убедительное доказательство утверждения о том, что моя логика есть логика всех остальных людей и именно она является единственной человеческой логикой, а категории моей деятельности есть категории деятельности всех других людей и именно они являются категориями всей человеческой деятельности. Однако прагматик должен помнить, что эти утверждения работают и в практической деятельности, и в науке; а позитивист не должен упускать из виду, что, обращаясь к другим людям, он предполагает — явно или неявно — интерсубъективную действительность логики и соответственно реальность царства мысли и деятельности другого Я, его выдающийся человеческий характер⁸.

Мышление и деятельность — специфически человеческие особенности че- 6
ловека. Они свойственны всем человеческим существам. Они характеризуют человека как человека помимо принадлежности к зоологическому виду «человек разумный». Исследование отношений между мышлением и деятельностью не входит в предмет праксеологии. Для праксеологии достаточно установления факта единственности логики, понятной человеческому разуму, и единственности способа деятельности, являющегося человеческим и понятного человеческому разуму. Есть ли или могут ли быть другие существа — сверхчеловек или недочеловек, — которые мыслят и действуют иначе, все это находится вне досягаемости

⁸ Ср.: Schütz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Wien, 1932. P. 18.⁽⁸⁾

человеческого разума. Мы должны ограничиться изучением человеческой деятельности.

- 7 Человеческая деятельность, неразрывно связанная с человеческим мышлением, обусловлена логической необходимостью. Человеческий разум будет не в состоянии постичь логические отношения, не соответствующие логической структуре нашего мышления. Человеческий разум будет не в состоянии постичь способ деятельности, категории которого будут отличаться от категорий, определяющих наши собственные действия.
- 8 Человеку доступны только два принципа мысленного схватывания реальности — телеология и причинность. То, что нельзя подвести под одну из этих категорий, совершенно сокрыто для разума человека. Для человека событие, не поддающееся интерпретации с помощью одного из этих принципов, непостижимо и таинственно. Изменение можно постичь только как результат либо действия механистической причинности, либо целенаправленного поведения; третьего пути для человеческого разума не существует⁹. Правда, как уже отмечалось, телеологию можно рассматривать как разновидность причинности. Но установление данного факта не отменяет существенных различий между этими двумя категориями.
- 9 Панмеханистическая картина мира придерживается методологического монизма; она признает лишь механистическую причинность, так как ей одной приписывает познавательную ценность, или, по крайней мере, ставит ее выше познавательной ценности телеологии. Это метафизический предрассудок. Оба принципа познания — причинность и телеология — вследствие ограниченности человеческого разума являются несовершенными и не сообщают окончательного знания. Причинность приводит к *regressus in infinitum*, которого разум никогда не сможет исчерпать. Телеология представляется неудовлетворительной, как только ставится вопрос о том, что движет перводвигателем. Оба метода внезапно останавливаются перед конечной данностью, которую невозможно проанализировать и истолковать. Рассуждение и научное исследование никогда не могут дать абсолютного душевного покоя, аподиктической^[50] определенности и совершенного познания всех вещей. Тот, кто ищет именно этого, должен обратиться к вере и постараться успокоить свою совесть принятием символов веры или метафизических доктрин.
- 10 Если не покидать область разума и опыта, нельзя не признать, что окружающие нас люди действуют. Мы не вольны игнорировать этот факт ради модных предрубеждений и произвольных мнений. Ежедневный опыт демонстрирует нам не только то, что единственно подходящий способ изучения нашего нечеловеческого окружения обеспечивается категорией причинности; он не менее убедительно демонстрирует, что окружающие нас люди — такие же действующие существа, как

⁹ Ср.: *Engliš K. Begründung der Teleologie als Form des empirischen Erkennens. Brünn, 1930. S. 15 ff.*

и мы. Для осмысления деятельности в нашем распоряжении имеется всего одна программа интерпретации и анализа — та, которая дается познанием и анализом нашего собственного целенаправленного поведения.

Проблема изучения и анализа деятельности других людей никоим образом не связана с проблемой существования *души* или *бессмертной души*. И в той мере, в какой возражения эмпиризма, бихевиоризма и позитивизма направлены против любой разновидности теории души, для нашей проблемы они бесполезны. В связи с этим мы должны ответить на вопрос: возможно ли умственное схватывание человеческой деятельности, если ее отказываются признавать осмысленным и целеустремленным поведением, направленным на достижение определенного результата? Бихевиоризм и позитивизм стремятся применить методы эмпирических естественных наук к реальности человеческой деятельности. Они объясняют ее как реакцию на раздражители. Но сами эти раздражители не поддаются описанию с помощью методов естественных наук. Любая попытка их описания должна отсылать к смыслу, который им приписывает действующий человек. Можно назвать предложение товара на продажу «раздражителем». Но суть этого предложения и его отличия от других предложений нельзя описать без проникновения в смысл, который действующие стороны присваивают ситуации. Никакие диалектические уловки не помогут затушевать тот факт, что человек движим намерением добиться определенных результатов. Именно это целенаправленное поведение — а именно деятельность — и является предметом нашей науки. Мы не сможем приблизиться к нашему предмету, если будем игнорировать смысл, приписываемый действующим человеком ситуации, т.е. данному состоянию дел, и своему собственному поведению в этой ситуации.

Физику не пристало искать конечные причины, так как ничто не указывает на то, что события, являющиеся предметом физических исследований, могут быть истолкованы как результат деятельности существа, преследующего цели, наподобие человека. Праксеолог, исследователь человеческой деятельности, не может игнорировать воздействие волений и намерений действующего существа;¹⁹ это факты, не подлежащие сомнению. Если бы он ими пренебрег, то прекратил бы изучать человеческую деятельность. Очень часто, но не всегда событие можно исследовать и с точки зрения праксеологии, и с точки зрения естественных наук. Тот, кто рассматривает выстрел из огнестрельного оружия с точки зрения физики и химии, не является праксеологом. Он пренебрегает именно теми проблемами, которые эта наука стремится прояснить, — целенаправленным поведением человека.

(3) О полезности инстинктов

Доказательством того, что в нашем распоряжении имеются только два подхода к исследованию человека — причинность и телеология, служат проблемы, возникающие в связи с полезностью инстинктов. Существуют типы поведения, которые, с одной стороны, не могут быть полностью объяснены с помощью причин-

ных методов естественных наук, а с другой стороны, не могут рассматриваться в качестве целенаправленной человеческой деятельности. Для того чтобы зафиксировать это поведение, мы вынуждены прибегать к паллиативу, характеризуя его как квазидеятельность, говорить о полезных инстинктах.

2 Мы наблюдаем две вещи: во-первых, внутреннюю тенденцию живых организмов реагировать на раздражение в соответствии с постоянным шаблоном и, во-вторых, благоприятное влияние этого типа поведения на укрепление и сохранение жизненных сил организма. Если бы мы могли объяснить такое поведение следствием целенаправленного стремления к определенному результату, то назвали бы его деятельностью и решали бы его телеологическими методами праксеологии. Но так как мы не обнаруживаем в основе этого поведения следов сознательного разума, то считаем, что здесь действует неизвестный фактор, который называем *инстинктом*. Мы говорим о том, что инстинкты управляют квазицеленаправленным поведением животных и бессознательными, но тем не менее полезными реакциями мускулов и нервов человека. Хотя тот факт, что необъясненный элемент в этом поведении мы гипостазировали^[31] как силу и назвали инстинктом, не увеличил нашего знания. Мы ни на минуту не должны забывать, что слово «инстинкт» — не более чем ориентир, указывающий границу, дальше которой — по крайней мере на сегодня — мы не имеем возможности продолжить наше исследование.

3 Биология добилась успехов в открытии «естественных», т.е. механистических, объяснений многих процессов, до этого считавшихся следствием действия инстинктов. Несмотря на это, осталось много других, которые не могут быть интерпретированы как механические или химические реакции на механические или химические раздражители. Животные демонстрируют повадки, которые можно объяснить только путем предположения воздействия направляющего фактора.

4 Цель бихевиоризма^[32] изучать человеческую деятельность извне с помощью методов психологии животных иллюзорна. В той мере, в какой животное поведение выходит за пределы простых физиологических процессов вроде дыхания и обмена веществ, оно должно исследоваться посредством концепций смыслов, разработанных праксеологией. Бихевиорист обращается к объекту своих исследований с человеческими понятиями намерений и успеха. Он невольно применяет к своему объекту исследования человеческие концепции полезности и пагубности. Он обманывает себя, считая, что исключил все словесные ссылки на сознательность и целенаправленность. В действительности же его разум везде ищет цели и оценивает любую повадку меркой искаженного понятия пользы. Наука о человеческом поведении — насколько это не психология — не может отказываться от обращения к смыслу и намерениям. Она ничего не может почерпнуть из психологии животных и из наблюдений за бессознательными реакциями новорожденных младенцев. Наоборот, как раз психология животных и детская психология не могут отказаться от помощи, предоставляемой наукой

о человеческой деятельности. Без праксеологических категорий нам было бы трудно постичь и понять поведение как животных, так и младенцев.

Наблюдения за инстинктивным поведением животных наполняют человека удивлением и ставят вопросы, на которые никому еще не удалось дать правильного ответа. Тот факт, что животные и даже растения реагируют квазицеленаправленным образом, сверхъестественно не больше и не меньше, чем то, что человек мыслит и действует, что в неорганическом мире преобладают функциональные соответствия, описываемые физикой, а в биологическом мире присутствуют биологические процессы. Сверхъестественным здесь является то, что все это — конечная данность для нашего ищущего ума.

Подобной конечной данностью является также⁽¹⁰⁾ то, что мы называем инстинктом. Так же как и понятия движения, силы, жизни и сознания, понятие инстинкта — просто термин для обозначения конечной данности. Разумеется, оно ничего не «объясняет» и не указывает на причину или на конечную причину¹⁰.

(4) Абсолютная цель

Во избежание любых возможных недоразумений по поводу праксеологических категорий, представляется целесообразным подчеркнуть следующий трюизм.

Праксеология, как и исторические науки о человеческой деятельности, имеет дело с целенаправленной *человеческой* деятельностью. Когда упоминаются *цели*, то речь идет о целях, которые преследует действующий человек. Когда говорят о *смысле*, то имеют в виду смысл, который действующий человек придает своим действиям.

Праксеология и история — проявления человеческого разума и в этом качестве обусловлены мыслительными способностями смертного человека. Праксеология и история не претендуют на знание о замыслах абсолютного и объективного разума, об объективном смысле, присущем течению событий и исторической эволюции, и о планах, которые Бог или Природа, Мировой Дух⁽³³⁾ или Провидение пытаются реализовать, управляя Вселенной или делами человека. Они не имеют ничего общего с тем, что называется философией истории⁽³⁴⁾. В отличие от Гегеля, Конта, Маркса и сонма других авторов они не требуют докапываться до истинного, объективного и абсолютного смысла жизни и истории¹¹.

(5) Вегетативный человек

Некоторые философы советуют людям в качестве конечной цели поведения стремиться к полному отказу от любой деятельности. Они смотрят на жизнь как

¹⁰ «Жизнь есть первая причина, которая от нас ускользает, как все первые причины, и которой экспериментальная наука не очень-то занимается»⁽⁹⁾ (*Bernard C. La Science expérimentale*. Paris, 1878. P. 137).

¹¹ О философии истории см.: *Mises. Theory and History*. New Haven, 1957. P. 159 ff.^{(10), (11)}

на абсолютное зло, полное боли, страданий и мук, и аподиктически отрицают, что какая бы то ни было деятельность способна сделать их терпимыми. Счастья можно достичь только полным отключением сознания, воления и жизни. Единственный путь к единству и спасению — стать совершенно пассивным, безразличным и инертным, как растение. Наивысшее благо — отказ от мышления и действия.

- 2 В этом состоит суть учений различных направлений индийской философии, в особенности буддизма, а также Шопенгауэра. Праксеология не высказывается по их поводу. Она нейтральна по отношению к ценностным суждениям и выбору конечных целей. Ее задача не в том, чтобы одобрять или не одобрять, а в том, чтобы описывать то, что есть.^{12}
- 3 Предмет праксеологии — человеческая деятельность.^{13} Она занимается деятельным человеком, а не человеком, превращенным в растение и низведенного до простого вегетативного существования.

II. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУК О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Праксеология и история

Существуют две основных ветви наук о человеческой деятельности: праксеология и история. 1

История — это собирание и систематическое упорядочивание всех данных опыта, касающегося человеческой деятельности. Она занимается конкретным содержанием человеческой деятельности. История изучает все человеческие усилия в их бесконечной множественности и разнообразии и все индивидуальные действия с их случайными, специфическими и индивидуальными смыслами. Она тщательно исследует идеи, влекущие действующих людей, и результаты осуществляемых действий. Она охватывает все аспекты человеческой активности. С одной стороны, есть общая история и, с другой стороны, есть история различных узких областей. Есть история политической и военной деятельности, идей и философии, экономической деятельности, технологии, литературы, искусства и науки, обычаев и нравов и множества других сфер жизни человека. Есть этнография и антропология в части, не являющейся биологией, психология в части, не являющейся ни физиологией, ни эпистемологией, ни философией. Есть лингвистика, в части, не являющейся ни логикой, ни психологией речи¹. 2

¹ Экономическая история, дескриптивная экономика и экономическая статистика, разумеется, являются историей. Термин *социология* используется в двух различных значениях. Дескриптивная социология занимается теми историческими явлениями, которые не интересуют дескриптивную экономику; она в некоторой степени пересекается со сферами интересов этнографии и антропологии. Общая социология подходит к историческому опыту с более